

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

1959 · 50 · 2009

ПЯТАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО КОРНЕВА И КАРПЕНКО ПРОТИВ УКРАИНЫ

(Заявление № 17444/04)

РЕШЕНИЕ

СТРАСБУРГ

21 октября 2010

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ

21/01/2011

Это решение станет окончательным при условиях, изложенных в статье 44 § 2 Конвенции. Оно может быть отредактировано

По делу Корнева и Карпенко против Украины,
Европейский Суд по правам человека (Пятая секция), заседаая в составе:
Пеер Лоренсен, *Председатель,*
Рената Яегер,
Карел Юнгвейрт,
Марк Виллинжер,
Мирияна Лазарова Трайковска,
Здравка Калайджиева,
Ганна Юдкивська, *судьи,*
и Клаудия Вестердийк, *Секретарь секции,*
Рассмотрев дело в закрытом заседании 28 сентября 2010 г.,
Провозглашает следующее решение, принятое в этот день:

ПРОЦЕДУРА

1. Данное дело основано на заявлении (№ 17444/04) против Украины, поданном в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция») двумя украинскими гражданами, г-ном Денисом Евгеньевичем Корневым и г-жой Ларисой Ивановной Карпенко (далее – «заявители»), 27 апреля 2004 г.

2. Заявители, которым была оказана правовая помощь, были представлены г-ном А. П. Бущенко, адвокатом, практикующим в Харькове. Украинское правительство (далее – «Правительство») было представлено своим уполномоченным, г-ном Ю. Зайцевым, Министерство юстиции.

3. Заявители жаловались, в частности, на ряд нарушений статей 5 и 6 Конвенции в их отношении.

4. 14 сентября 2009 года Председатель Пятой Секции постановил уведомить Правительство о данном заявлении. Суд также постановил принять решение о приемлемости заявления одновременно с его рассмотрением по существу (статья 29 § 1).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявители родились в 1984 и 1951 гг., соответственно, и живут в Харькове.

A. Уголовное производство в отношении первого заявителя

6. 16 мая 2003 года г-жа Щ., по указанию милиции, купила четыре грамма конопли у первого заявителя. После этого первый заявитель был арестован милицией по подозрению в торговле наркотиками. 20-гривневая купюра, которую Щ. получила от представителей милиции для покупки наркотиков, была обнаружена у заявителя. Во время обыска, проведенного в доме заявителя в тот же день, были найдены еще двадцать грамм конопли.

7. Во время предварительного следствия заявитель признался в продаже наркотиков Щ., которую он знал по имени, и в хранении наркотиков у себя дома.

8. 19 мая 2003 года заявитель был освобожден под подписку о невыезде.

9. 23 июля 2003 года уголовное дело в отношении заявителя было передано в Червонозаводский районный суд г. Харькова («районный суд»).

10. В конце ноября первый заявитель был вызван для участия в судебном заседании 2 декабря 2003 года. По словам заявителя, 30 ноября 2003 года он почувствовал себя плохо. На следующий день врач выдал ему больничный.

11. 2 декабря 2003 года, несмотря на то, что вторая заявительница сообщила суду о причинах отсутствия первого заявителя, суд принял решение заменить подпись о невыезде содержанием под стражей.

12. 8 декабря 2003 года первый заявитель был арестован, а 16 декабря 2003 года он предстал перед судьей, который отклонил его просьбу об освобождении.

13. В ходе слушаний 16 декабря 2003 года суд отклонил ходатайство заявителя о вызове Ш., на основании того, что, в соответствии с законом, покупатель, участвующий в операции милиции по покупке наркотиков, не должен вызываться в суд.

14. 26 января 2004 года суд отклонил еще одно ходатайство первого заявителя об освобождении.

15. 19 июля 2004 года районный суд признал заявителя виновным в торговле наркотиками и приговорил его к пяти годам лишения свободы с конфискацией имущества. Суд установил, что заявитель купил коноплю у неизвестного лица 11 мая 2003 года и держал ее дома для продажи. 16 мая 2003 года он продал некоторое количество конопли Ш., и у него дома была найдена еще конопля. Суд отметил, что в ходе судебного разбирательства заявитель отказался от своих признаний и утверждал, что некий А. заставил его хранить наркотики, и что г-жа М. брала их у него. Затем заявитель вообще стал утверждать, что у него никогда не было никаких наркотиков, и заявил, что милиция подбросила деньги и наркотики, и заставила его сознаться. Суд счел, что, несмотря на это возражение, вина заявителя подтверждается совокупностью доказательств, в том числе письменными показаниями Ш., а также заявлениями, сделанными в ходе слушания сотрудниками милиции Н. и К., которые проводили операцию, и свидетелями К. и Е., которые были приглашены милицией в качестве понятых. Все они подтвердили, что Ш. пошла к заявителю с банкнотой и вернулась с небольшим пакетом вещества, позже определенного как конопля.

16. Заявитель обжаловал приговор, заявив, среди прочего, что, несмотря на многочисленные просьбы от его имени, г-жа Ш. не была вызвана для допроса в суд, и что не было доказано, что он продал наркотики г-же Ш.

17. 29 июля 2005 года Харьковский областной апелляционный суд изменил приговор заявителя на приговор с отсрочкой на три года. Суд не прореагировал на жалобу заявителя относительно того, что свидетель Ш. не была допрошена в суде.

18. Заявитель подал в кассационном порядке жалобу на то, что Ш. не была допрошена в судебном заседании.

19. 25 апреля 2006 года Верховный суд Украины оставил в силе решение апелляционного суда. На жалобу заявителя о том, что Ш. не была вызвана и допрошена в судебных заседаниях, никакого ответа получено не было.

В. Административное производство в отношении второй заявительницы

20. 2 декабря 2003 года вторая заявительница явилась в районный суд и сообщила судье О., что первый заявитель болен. Ее сопровождали еще пять человек. По словам второй заявительницы, всех их пригласили в кабинет судьи О., но позже он попросил их покинуть кабинет, чего они не могли сделать, так как сотрудники милиции перекрывали выход. В тот же день секретарь судьи составил протокол об административном правонарушении со стороны второй заявительницы. Протокол был передан судье Ш.,

который допросил заявительницу, признал ее виновной в неуважении к суду и приговорил ее к административному аресту на пятнадцать суток. В своем решении судья Ш. отметил, что около 10 утра в тот день вторая заявительница вошла в кабинет судьи О. в сопровождении «группы поддержки», включавшей г-жу М., г-жу И., г-жу Г., г-на К. и г-на П., чтобы оказать давление на упомянутого судью в связи с уголовным делом против ее сына (первого заявителя), и отказалась покидать кабинет, когда этого потребовали судья, его секретарь и судебная милиция. Суд установил, что заявительница находилась в кабинете судьи О. в течение сорока минут, и не позволяла ему начать судебное слушание.

21. После вышеуказанного решения второй заявительнице стало плохо, и ее доставили в больницу.

22. 17 января 2004 года заместитель председателя Харьковского областного суда отклонил чрезвычайную апелляцию второй заявительницы на решение от 2 декабря 2003 о ее административном аресте.

23. 27 января 2004 года прокурор Червонозаводского района попросил суд смягчить приговор второй заявительницы по причине ее состояния здоровья. Эта просьба была удовлетворена, и административный арест был заменен штрафом в размере 136 гривен.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

А. Уголовно-процессуальный кодекс

24. Соответствующие положения Кодекса гласят:

Статья 52-1. Обеспечение безопасности лиц, принимающих участие в уголовном судопроизводстве

«Лица, принимающие участие в уголовном судопроизводстве, при наличии реальной угрозы их жизни, здоровью, жилищу или имуществу, имеют право на обеспечение безопасности.

Право на обеспечение безопасности при наличии соответствующих оснований имеют:

лицо, заявившее в правоохранительный орган о преступлении либо в иной форме принимавшее участие в выявлении, предупреждении, пресечении и раскрытии преступления или содействовавшее этому...»

Статья 52-3. Неразглашение сведений о лице, в отношении которого осуществляются меры безопасности

«Неразглашение сведений о лице, взятом под защиту, может обеспечиваться путем ограничения сведений о нем в материалах проверки (заявлениях, объяснениях и т. п.), а также в протоколах следственных действий и судебных заседаний. Орган дознания, следователь, прокурор, суд (судья), приняв решение о применении мер безопасности, выносит мотивированное постановление, определение о замене фамилии, имени, отчества лица, взятого под защиту, псевдонимом. Далее в процессуальных документах указывается только псевдоним, а настоящие фамилия, имя, отчество, год, месяц и место рождения, семейное положение, место работы, род занятий или должность, место жительства и другие анкетные данные, содержащие информацию о находящемся под защитой лице, указываются лишь в постановлении (определении) о замене анкетных данных. Это постановление (определение) к материалам дела не прилагается, а хранится отдельно в органе, в производстве которого находится уголовное дело. В случае замены фамилии лица, взятого под защиту, псевдонимом из материалов дела изымаются протоколы следственных действий и другие документы, в которых указаны достоверные сведения об этом лице, и хранятся отдельно, а к материалам дела прилагаются копии этих документов с заменой настоящей фамилии псевдонимом.

Сведения о мерах безопасности и лицах, взятых под защиту, являются информацией с ограниченным доступом. На документы, содержащие такую информацию, не распространяются правила, предусмотренные частью второй статьи 48, статьями 217–219 и 255 настоящего Кодекса».

В. Административный кодекс, 1984 г.

25. Пункт 1 статьи 185-3 Административного кодекса гласит:

«Неуважение к суду, проявляющееся в злостном уклонении от явки в суд свидетеля, потерпевшего, истца, ответчика, или в неподчинении указанных лиц и других граждан распоряжениям председателя, или в нарушении порядка во время судебного заседания, а также совершение кем-либо действий, свидетельствующих о явном неуважении к суду или установленных в суде правил, влекут за собой наложение штрафа от шести до двенадцати необлагаемых налогом минимумов доходов граждан, либо административный арест на срок до пятнадцати суток».

26. Пункт 1 статьи 268 Кодекса предусматривает, в частности, следующие права лица, привлекаемого к административной ответственности:

«Лицо, которое привлекается к административной ответственности, имеет право: знакомиться с материалами дела, давать пояснения, представлять доказательства, делать запросы... пользоваться помощью адвоката... во время рассмотрения дела...»

27. Право на помощь адвоката в административном процессе также гарантируется статьей 271 Кодекса.

28. В соответствии со статьей 277 Кодекса, решения по делам об административных правонарушениях, указанным в первом пункте статьи 185-3, принимаются в течение одного дня.

ПРАВО

I. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 § 3 КОНВЕНЦИИ

29. Первый заявитель жаловался, в соответствии со статьей 5 § 3, что он не предстал перед судьей в течение шести дней после его ареста. Статья 5 гласит:

«Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...

(b) законное задержание или заключение под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом;

(c) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

...

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд...»

30. Правительство не согласилось с этим аргументом.

А. Приемлемость

31. Суд отмечает, что эта жалоба не является явно необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 Конвенции. Кроме того, Суд отмечает, что она не является неприемлемой и по другим основаниям. Поэтому она должна быть признана приемлемой.

В. Существо дела

1. *Было ли лишение свободы оправдано в соответствии с подпунктами (b) или (c) статьи 5 § 1?*

32. Первый заявитель утверждал, что в решении национального суда о его задержании было четко указано, что он должен быть задержан в качестве обвиняемого в соответствии с соответствующими статьями Уголовно-процессуального кодекса.

33. Правительство утверждало, что статья 5 § 1 (c) Конвенции касается непосредственно содержания под стражей до суда, то есть случаев, когда лицо берется под стражу до направления его уголовного дела в суд для рассмотрения по существу. В случае заявителя, он находился под арестом на момент, когда уголовное расследование было завершено, и дело было рассмотрено судом. Поэтому, по мнению Правительства, цель задержания заявителя отличалась от изложенной в статье 5 § 1 (c) Конвенции.

34. Правительство отметило, что с 19 мая 2003 года заявитель находился под подпиской о невыезде, что предполагало, среди прочего, его явку в суд по вызову. 2 декабря 2003 года заявитель не сделал этого, и поэтому он был задержан для обеспечения выполнения им обязательства предстать перед судом по первому требованию. Правительство считает, что заявитель был задержан в рамках статьи 5 § 1 (b) Конвенции и, соответственно, статья 5 § 3 в его случае неприменима.

35. Суд повторяет, что статья 5 § 1 Конвенции предусматривает, что задержание должно быть «законным», что включает в себя условие соответствия «порядку, установленному законом». Конвенция здесь по существу обращается к национальному законодательству и провозглашает обязательство государства соблюдать его материальные и процессуальные нормы, но требует, чтобы любое лишение свободы соответствовало целям статьи 5, с целью защиты личности от произвола. Кроме того, именно национальные власти, в частности суды, должны, в первую очередь, толковать и применять внутреннее законодательство (см. *Benham v. the United Kingdom*, judgment of 10 June 1996, *Reports of Judgments and Decisions* 1996-III, pp. 752-53, §§ 40-41).

36. Статья 5 § 1 содержит исчерпывающий перечень допустимых оснований для лишения свободы. Однако применение одного основания не обязательно исключает применение другого; задержание может, в зависимости от обстоятельств, быть оправдано в соответствии с одним или более подпунктами (см., например, *Eriksen v. Norway*, judgment of 27 May 1997, *Reports of Judgments and Decisions* 1997-III, pp. 861-62, § 76, *Enhorn v. Sweden*, no. 56529/00, § 34, ECHR 2005-...). Принимая во внимание, что применение подпункта (c) статьи 5 § 1 также предусматривает защиту, установленную статьей 5 § 3, что является важной дополнительной гарантией для арестованного, Суд считает целесообразным проанализировать, применим ли этот подпункт в данном случае.

37. Суд отмечает, что в данном случае первый заявитель был обязан, в соответствии с внутренним законодательством, предстать перед районным судом, где рассматривалось уголовное дело против него. Однако он не явился. Впоследствии, 2 декабря 2003 года, он был заключен под стражу вышеупомянутым судом на основании соответствующих положений Уголовно-процессуального кодекса. Ничто не указывает на то, что процедура, установленная внутренним законодательством, не была соблюдена.

38. Суд отмечает, что первый заявитель был вызван в районный суд в рамках уголовного дела против него. Кроме того, он был взят под стражу на основании положений Уголовно-процессуального кодекса, которые разрешают заключение обвиняемого под стражу. Фактически, власти не имели других причин заставлять заявителя предстать перед районным судом, чем возбужденное против него уголовное дело. Суд пришел к выводу, что его задержание подпадает под действие подпункта (с) статьи 5 § 1 Конвенции.

39. Суд не видит причин не согласиться с аргументом Правительства, что подпункт (b) статьи 5 § 1 также применим в данном случае. Однако, установив применимость подпункта (с), Суд приступит к изучению вопроса, были ли обеспечены более жесткие гарантии, предусмотренные статьей 5 § 3.

2. Были ли соблюдены гарантии статьи 5 § 3?

40. Первый заявитель отметил, что он не был безотлагательно доставлен в суд. По его мнению, тот факт, что его задержание было произведено по распоряжению суда, не освобождает власти от их обязательства, в рамках статьи 5 § 3 Конвенции, незамедлительно доставить его в суд.

41. Правительство заявило, без каких-либо дальнейших пояснений, что заявитель был незамедлительно доставлен в суд.

42. Суд повторяет, что статья 5 § 3 Конвенции предусматривает, что лицу, арестованному или задержанному по подозрению в совершении уголовного преступления, обеспечиваются гарантии от произвольного или необоснованного лишения свободы (см., например, *Aquilina v. Malta* [GC], no. 25642/94, § 47, ECHR 1999-III).

43. Статья 5 § 3 имеет целью обеспечение быстрого и автоматического судебного контроля полицейского или административного задержания, проведенного в соответствии с положениями статьи 5 § 1 (c) (см. *De Jong, Baljet and Van den Brink v. the Netherlands*, judgment of 22 May 1984, Series A no. 77, p. 24, § 51, *Aquilina*, cited above, §§ 48-49).

44. Суд указал, что статья 5 § 3 содержит и процедурные и основные требования. Процедурное требование накладывает на «должностное лицо» обязательство заслушать представшее перед ним лицо; основное требование накладывает на него обязательство рассмотреть обстоятельства за и против содержания под стражей, чтобы решить, на основании правовых критериев, имеются ли причины для содержания под стражей, и распорядиться об освобождении, если таких причин нет (см. *Schiesser v. Switzerland*, judgment of 4 December 1979, Series A no. 34, pp. 13-14, § 31, с дальнейшими ссылками).

45. Задержание заявителя в данном случае с самого начала было произведено по решению суда. Таким образом, Суд призван определить, было ли участие суда в аресте заявителя достаточным для удовлетворения требований статьи 5 § 3.

46. Суд отмечает, во-первых, что статья 5 § 3 требует, чтобы лицо незамедлительно было доставлено к судье или другому судебному должностному лицу после ареста или задержания. Текст положения не предусматривает каких-либо возможных исключений из этого требования, даже в случае предварительного участия суда. Другие варианты противоречили бы самому смыслу положения. Кроме того, Суд повторяет, что, в соответствии с его прецедентным правом, судебный контроль, предусмотренный статьей 5 § 3, должен соответствовать определенным требованиям, одно из которых состоит в том, что судебное должностное лицо должно лично заслушать задержанного до принятия соответствующего решения (*De Jong, Baljet and Van den Brink*, упомянутое выше, § 51, *Aquilina*, упомянутое выше, § 50). Суд отмечает, что в данном случае первый заявитель не явился в суд, когда принималось решение о его аресте. Этот факт сам по себе не вызывает вопросов в рамках статьи 5 § 3, и из Конвенции нельзя сделать вывод, что человек, который уклоняется от судебного разбирательства, должен присутствовать на судебном

заседании, где принимается решение о его аресте (см. *Harkmann v. Estonia* (dec.), no. 2192/03, 1 March 2005). Однако Суд отмечает, что первый заявитель не имел возможности представить суду возможные личные или иные причины, препятствующие его содержанию под стражей после его фактического задержания 8 декабря 2003 года, несмотря на обязательство властей в рамках статьи 5 § 3 дать ему возможность быть заслушанным.

47. Суд отмечает, что первый заявитель содержался под стражей в течение восьми дней до 16 декабря 2003, когда он был доставлен в суд, который рассмотрел вопрос о законности его задержания. Суд считает, что такой период несовместим с требованием «оперативности» в рамках статьи 5 § 3 (см., например, *Brogan and Others v. the United Kingdom*, judgment of 29 November 1988, Series A no. 145-B, pp. 33-34, § 62).

48. Следовательно, имело место нарушение статьи 5 § 3 Конвенции.

II. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ ПЕРВОГО ЗАЯВИТЕЛЯ

49. Первый заявитель также жаловался, что уголовное производство против него было несправедливым, в частности, что он не смог допросить свидетеля Щ. Он сослался на статью 6 § 3 (d), которая гласит:

«3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:

...

(d) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него...»

А. Приемлемость

50. Суд отмечает, что эта жалоба не является явно необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 Конвенции. Кроме того, Суд отмечает, что она не является неприемлемой и по другим основаниям. Поэтому она должна быть признана приемлемой.

В. Существо дела

51. Первый заявитель утверждал, что его осуждение за торговлю наркотиками, в отличие от хранения наркотиков, в основном базировалось на показаниях свидетеля Щ., которые она дала на стадии расследования. Вторым доказательством было его собственное признание, что он находился на месте преступления, но это признание нельзя принимать во внимание, поскольку он отказался от него в суде, и утверждал, что признательные показания были получены под давлением следствия. Он считал, что без показаний свидетеля Щ. власти не могли осудить его за торговлю наркотиками, как на месте преступления больше никого не было. Кроме того, все другие свидетели были сотрудниками милиции, которые не были беспристрастны и не были очевидцами предполагаемого преступления.

52. Первый заявитель также отметил, что он признался в своих показаниях, что в соответствующее время и в соответствующем месте он встретился со своей одноклассницей г-жой М., которую он хорошо знал. Он не встречался ни с кем другим, поэтому он пришел к выводу, что именно г-жа М. фигурировала под вымышленным именем Щ. в качестве главного свидетеля. Тот факт, что г-жа М. не была допрошена в

ходе судебного разбирательства, несмотря на прямые просьбы заявителя, подтвердил его подозрения. Поэтому заявитель оспорил обоснованность мер безопасности, принятых в отношении свидетеля Щ., если это действительно была г-жа М, которую он хорошо знал. В случае если г-жа Щ. и г-жа М. действительно были двумя разными людьми, допрос г-жи М. имел не меньшее значение, так как она могла бы подтвердить его алиби. Однако, как упоминалось выше, ни г-жа Щ., ни г-жа М. не были допрошены в национальных судах. Он пришел к выводу, что это нанесло непоправимый ущерб справедливости судебного разбирательства против него.

53. Правительство согласилось, что первый заявитель не имел возможности допросить свидетеля Щ. в судебном заседании, поскольку Щ. находилась под действием программы защиты свидетелей, предусмотренной статьями 52-1 и 52-3 Уголовно-процессуального кодекса. Они, однако, отметили, что свидетель Щ. была одной из шести свидетелей по уголовному делу первого заявителя, и ее показания, данные на стадии предварительного следствия, соответствовали заявлениям, сделанным пятью другими свидетелями, которых заявитель мог допросить в суде, что он и сделал. Кроме того, осуждение первого заявителя было основано на совокупности доказательств, а не исключительно или решительно на заявлениях свидетеля Щ. Правительство утверждало, что если в уголовном деле были какие-либо процедурные нарушения, вышестоящие суды могли исправить это, но они не нашли никаких процессуальных нарушений и подтвердили, что решение суда первой инстанции было правильным. Они пришли к выводу, что права заявителя по статье 6 § 3 (d) Конвенции не были нарушены.

54. Суд повторяет, что все доказательства, как правило, должны предъявляться в общественных слушаниях, в присутствии обвиняемого, чтобы обеспечить состязательность процесса. Из этого принципа бывают исключения, но они не должны нарушать право на защиту. Как правило, пункты 1 и 3 (d) статьи 6 требуют, чтобы ответчику была предоставлена адекватная и полноценная возможность вызвать и допросить лиц, свидетельствующих против него, либо когда они дают свои показания, либо на более позднем этапе (см. *Lüdi v. Switzerland*, judgment of 15 June 1992, Series A no. 238, p. 21, § 49). Осуждение не должно основываться исключительно или в решающей степени на заявлениях, которые защита не смогла оспорить (см., *mutatis mutandis*, *Doorson v. the Netherlands*, judgment of 26 March 1996, *Reports* 1996-II, p. 472, § 76).

55. Как Суд заявлял в ряде случаев (см., среди прочего, *Lüdi*, упомянутое выше, стр. 21, § 47), в определенных обстоятельствах может оказаться необходимой ссылка на заявления, сделанные на стадии расследования. Если ответчику не была предоставлена адекватная и полноценная возможность оспорить эти заявления, либо в момент их представления, либо на более позднем этапе, их допустимость в качестве доказательств сама по себе не противоречит статье 6 §§ 1 и 3 (d). Однако, как следствие этого, в случаях, когда осуждение основано исключительно или в решающей степени на заявлениях, сделанных лицом, которого обвиняемый не имел возможности допросить, будь то в ходе расследования или в судебном разбирательстве, право на защиту ограничено до такой степени, что это несовместимо с гарантиями, предусмотренными статьей 6 (см. *Unterpertinger v. Austria*, judgment of 24 November 1986, Series A no. 110, pp. 14-15, §§ 31-33; *Saïdi v. France*, judgment of 20 September 1993, Series A no. 261-C, pp. 56-57, §§ 43-44; *Lucà v. Italy*, no. 33354/96, § 40, 27 February 2001; *Solakov*, упомянутое выше, § 57).

56. Суд отмечает, что в данном случае главный свидетель обвинения был помещен под программу защиты свидетелей и не появлялся в национальных судах. Суд не считает необходимым исследовать доводы заявителя о том, что применение программы защиты свидетелей было неоправданным, поскольку он знал подлинную личность свидетеля Щ. Важно то, что ее показания были необходимы для данного разбирательства, учитывая, что она была единственным человеком, который принимал непосредственное участие в

покупке наркотиков у первого заявителя, и могла подтвердить, что он продал ей наркотики. Перед этим Судом не стоит задача заменить национальные суды в оценке доказательств или предложить конкретное решение, чтобы сбалансировать интересы сторон. Суд отмечает, однако, что заявитель и его адвокат не имели возможности провести перекрестный допрос этого свидетеля ни на одной из стадий судебного разбирательства, даже в качестве анонимного свидетеля, а национальные суды основывали свои выводы по делу на ее письменных показаниях, данных на стадии предварительного следствия. Кроме того, власти даже не упоминали о необходимости обеспечения баланса интересов различных участников процесса, в частности, свидетеля Щ.

57. Суд не считает, что заявитель получил адекватную и надлежащую возможность оспорить показания, на которых было основано его осуждение. Таким образом, имело место нарушение статьи 6 § 3 (d) Конвенции.

III. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ ВТОРОЙ ЗАЯВИТЕЛЬНИЦЫ

58. Вторая заявительница жаловалась на нарушение статьи 6 § 3 (b), так как у нее не было времени для подготовки своей защиты, статьи 6 § 3 (c), так как у нее не было представителя, и ей не было предоставлено время для организации такого представления, и статьи 6 § 3 (d), так как она не смогла допросить свидетелей. Соответствующие положения статьи 6 § 3 гласят:

«3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:

...

(b) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты;

(c) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия;

(d) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него...»

A. Приемлемость

59. Правительство оспаривает применимость статьи 6 в ее уголовном аспекте к административному разбирательству против второго заявителя. Правительство утверждало, что разбирательство в отношении второй заявительницы было административным, а не уголовным, в соответствии с внутренним законодательством. Кроме того, они утверждали, что на заявительницу был, в конечном счете, наложен штраф в размере 136 гривен, что отнесло нарушение, совершенное второй заявительницей к категории мелких правонарушений.

60. Вторая заявительница не согласна. Она отметила, что максимальное наказание, предусмотренное статьей 185-3, составляло пятнадцать суток тюремного заключения, и, следовательно, степень тяжести этого наказания относит правонарушение к уголовному аспекту статьи 6. Кроме того, она первоначально была приговорена к максимальному наказанию, и только из-за ее госпитализации административный арест был отменен.

61. Суд отмечает, что в некоторых других делах против Украины он изучил аналогичные вопросы, касающиеся того же типа производства по той же статье Кодекса

об административных правонарушениях, и обнаружил, что, с учетом тяжести наказания, правонарушения, предусмотренные статьей 185-3, нельзя отнести к незначительным правонарушениям (см. see *Gurepka v. Ukraine (no. 2)*, no. 38789/04, § 33, 8 April 2010), а административное разбирательство должно быть признано уголовным по своей природе, подразумевая полные гарантии согласно статье 6 Конвенции (см. *Gurepka v. Ukraine*, no. 61406/00, § 55, 6 September 2005). Суд не видит причин отказываться от своих рассуждений в данном случае, и приходит к выводу, что статья 6 применима к данному делу в отношении второй заявительницы.

62. Суд далее отмечает, что эта жалоба не является явно необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 Конвенции. Кроме того, Суд отмечает, что она не является неприемлемой и по другим основаниям. Поэтому она должна быть признана приемлемой.

В. Существо дела

63. Суд повторяет, что требования статьи 6 § 3 следует рассматривать как конкретные аспекты права на справедливое судебное разбирательство, гарантированное статьей 6 § 1. Поэтому Суд будет рассматривать соответствующие жалобы в соответствии с обоими положениями в комплексе (см., среди прочего, *F.C.B. v. Italy*, judgment of 28 August 1991, Series A no. 208-B, p. 20, § 29, and *Poitrimol v. France*, judgment of 23 November 1993, Series A no. 277-A, p. 13, § 29).

1. Право на достаточное время и возможности для подготовки своей защиты

64. Вторая заявительница утверждала, что период между вменяемым ей правонарушением и судом был слишком коротким, чтобы она могла подготовить свою защиту должным образом. Она отметила, что согласно соответствующему законодательству ее административное дело должно было быть рассмотрено в течение одного дня, и исключение из этого правила сделано не было. Кроме того, Кодекс об административных правонарушениях не содержит положений, прямо предусматривающих ее право на отсрочку рассмотрения дела, чтобы она могла подготовить свою защиту.

65. Правительство, не представив никаких замечаний по существу, сочло статью 6 неприменимой в данном случае.

66. Суд повторяет, что статья 6 § 3 (б) гарантирует обвиняемому «достаточное время и возможности для подготовки своей защиты», и подразумевает, что основная деятельность по подготовке защиты может включать все, что является «необходимым» для подготовки к судебному процессу. Обвиняемый должен иметь возможность организовать свою защиту соответствующим образом, и иметь неограниченную возможность представить все соответствующие аргументы защиты в суде первой инстанции, и тем самым повлиять на исход дела (см. *Can v. Austria*, no. 9300/81, Commission's report of 12 July 1984, Series A no. 96, § 53; *Connolly v. the United Kingdom (dec.)*, no. 27245/95, 26 June 1996; and *Mayzit v. Russia*, no. 63378/00, § 78, 20 January 2005). Кроме того, возможности, предоставляемые каждому обвиняемому в уголовном преступлении, должны включать возможность ознакомиться, для подготовки своей защиты, с результатами расследования, полученными на протяжении всего разбирательства (см. *C.G.P. v. the Netherlands (dec.)*, no. 29835/96, 15 January 1997, and *Foucher v. France*, judgment of 18 March 1997, *Reports 1997-II*, §§ 26-38). Вопрос о достаточности времени и возможностей, предоставленных обвиняемому, должен оцениваться в свете обстоятельств каждого конкретного случая.

67. В данном деле Суд отмечает, что, несмотря на отсутствие четкого указания промежутка времени между преступлением, совершенным второй заявительницей, и рассмотрением ее административного дела в этой связи, очевидно, что этот период не

превышал нескольких часов. Даже если признать, что дело заявительницы было несложным, Суд сомневается, что в обстоятельствах, при которых был проведен суд над заявительницей, у нее была возможность ознакомиться с обвинениями и уликами против нее, адекватно оценить их и разработать жизнеспособную правовую стратегию своей защиты.

68. Суд пришел к выводу, что заявительнице не были предоставлены достаточное время и возможности для подготовки своей защиты. Таким образом, имело место нарушение статьи 6 § 3 Конвенции в сочетании со статьей 6 § 1 Конвенции.

2. Право защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника и право допрашивать свидетелей

69. Вторая заявительница утверждала, что, несмотря на то, что она не просила о помощи защитника или вызове свидетелей, ее нельзя винить в этом, поскольку, как упоминалось выше, у нее не было времени, чтобы оценить ситуацию и понять необходимость и важность таких просьб. Таким образом, она считала, что ее бездействие не освобождает государство от ответственности за нарушение ее процессуальных прав.

70. Правительство, не представив никаких замечаний по существу дела, сочло статью 6 неприменимой.

71. В силу выводов, сделанных в связи с правом заявительницы на достаточное время и возможности для подготовки своей защиты, Суд не считает необходимым рассматривать другие заявленные нарушения статьи 6 § 3 Конвенции (см., *mutatis mutandis*, *Ashughyan v. Armenia*, no. 33268/03, §§ 67-68, 17 July 2008).

IV. ДРУГИЕ ЗАЯВЛЕННЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

72. Первый заявитель также жаловался, в рамках статьи 5 § 1 (с) Конвенции, что его предварительное содержание под стражей было произвольным и незаконным, в рамках статьи 5 § 3 на длительность его содержания под стражей, и в рамках статьи 5 § 4 на то, что пересмотр его задержания не проводился периодически. Он также жаловался, в рамках статьи 6 Конвенции, что суд не был беспристрастным, и разбирательство было чрезмерно длительным, что ему не была незамедлительно предоставлена подробная информация, касающаяся обвинений против него, и что он не имел достаточно времени для подготовки своей защиты. Вторая заявительница жаловалась, что судья вел себя чрезвычайно агрессивно и действовал с обвинительным уклоном, и поэтому имел место недостаток беспристрастности, требуемой статьей 6 § 1 Конвенции.

73. Внимательно рассмотрев аргументы заявителей в свете имеющихся в его распоряжении материалов, и в той мере, в какой эти жалобы находятся в пределах его компетенции, Суд считает, что они не свидетельствуют о каких-либо признаках нарушения прав и свобод изложенных в Конвенции. Отсюда следует, что эта часть жалобы должна быть объявлена неприемлемой как явно необоснованная, в соответствии со статьей 35 §§ 1, 3 и 4 Конвенции.

V. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

74. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд решает, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

75. Заявители потребовали выплатить им 500000 евро в качестве компенсации нематериального ущерба.

76. Правительство заявило, что это требование необоснованно и чрезмерно.

77. Суд отмечает, что, когда человек, как в данном случае, был осужден судом в разбирательстве, которое не соответствовало требованиям справедливости, изложенным в Конвенции, повторное судебное разбирательство, возобновление или пересмотр дела, при необходимости, представляет собой, в принципе, подходящий способ устранения нарушения (см. *Nadtochiy v. Ukraine*, no. 7460/03, § 55, 15 May 2008). Поэтому Суд считает, что признание нарушения само по себе является достаточной справедливой компенсацией за нарушение статьи 6 в отношении обоих заявителей. Кроме того, Суд считает, что первому заявителю был причинен нематериальный ущерб в результате нарушения статьи 5. Решая на основе справедливости, как этого требует статья 41 Конвенции, Суд присуждает выплатить первому заявителю 800 евро в качестве компенсации нематериального ущерба.

В. Расходы и издержки

78. Заявители также потребовали выплатить им 30 гривен (около 3 евро) компенсации дорожных расходов, 1176,81 гривен (около 118 евро) компенсации почтовых расходов, 2700 гривен (около 270 евро) компенсации судебных издержек в национальных судах и 4256 евро компенсации судебных издержек в Суде.

79. Правительство считает, что не все расходы были связаны с настоящим заявлением. Кроме того, оно отметило, что заявителям была оказана правовая помощь, поэтому их требования о компенсации расходов и издержек должны быть отклонены.

80. В соответствии с прецедентным правом Суда, заявитель имеет право на возмещение издержек и расходов только в той степени, в какой доказано, что они фактически были понесены, были обязательными и разумными. В данном случае, учитывая имеющиеся в его распоряжении документы, Суд считает разумным присудить заявителям общую сумму 2000 евро в качестве компенсации всех их расходов и издержек.

С. Пеня

81. Суд считает разумным, что пеня должна быть основана на граничной кредитной ставке Европейского Центрального Банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявляет* жалобы первого заявителя по статьям 5 § 3 и 6 § 3 (d) Конвенции, и жалобы второй заявительницы по статье 6 §§ 1 и 3 в отношении справедливости административного судопроизводства и процедурных нарушений в нем приемлемыми, а остальную часть заявления неприемлемой;
2. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 5 § 3 Конвенции в отношении первого заявителя;

3. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 6 § 3 (d) Конвенции в отношении первого заявителя;
4. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 6 § 1 в сочетании со статьей 6 § 3 (b) Конвенции, поскольку вторая заявительница не имела доступа к справедливому судебному разбирательству, с учетом того факта, что ей не было предоставлено достаточное время и возможности для подготовки ее защиты;
5. *Постановляет*, что нет необходимости рассматривать другие жалобы второй заявительницы по статье 6 § 3 Конвенции;
6. *Постановляет*
 - (a) государство-ответчик должно выплатить первому заявителю, в течение трех месяцев с даты, когда судебное решение станет окончательным в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции, 800 (восемьсот) евро, плюс любые налоги, которые могут быть начислены на эту сумму, в качестве компенсации нематериального ущерба, в переводе в национальную валюту Украины по курсу, действующему на день выплаты;
 - (b) государство-ответчик должно выплатить заявителям совместно, в течение трех месяцев с даты, когда судебное решение станет окончательным в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции, 2000 (две тысячи) евро, плюс любые налоги, которые могут быть начислены на эту сумму, в качестве компенсации расходов и издержек, в переводе в национальную валюту Украины по курсу, действующему на день выплаты;
 - (c) с момента истечения вышеупомянутых трех месяцев до выплаты, на вышеуказанную сумму начисляется пеня, равная граничной кредитной ставке Европейского Центрального Банка в этот период, плюс три процентных пункта;
7. *Отклоняет* оставшуюся часть требований заявителей относительно компенсации.

Составлено на английском языке и зарегистрировано в письменном виде 21 октября 2010 года, в соответствии с Правилом 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Клаудия Вестердийк
Секретарь

Пеер Лоренсен
Председатель